

БОРЬБА ЗА РИМСКОЕ НАСЛЕДСТВО: СВ. ИМПЕРАТОР ЮСТИНИАН И КОРОЛЬ ТЕОДОРИХ

протоиерей Александр Задорнов

кандидат богословия, доцент
заведующий кафедрой церковно-практических дисциплин
Московской духовной академии
141300, Московская область, Сергиев Посад
Троице-Сергиева лавра, Академия
azadornov@yandex.ru

Для цитирования: *Задорнов Александр, прот.* Борьба за римское наследство: св. император Юстиниан и король Теодорих // *Праксис.* 2021. № 1 (6). С. 76–83. DOI: 10.31802/PRAXIS.2021.6.1.005

Аннотация

УДК 348.07

В статье прослеживается разница в отношении классического римского наследия между византийским василевсом св. Юстинианом Великим и королём остготов Теодорихом. Эта разница проявляется как в официальной риторике, так и в правовом творчестве этих правителей. Именно нежелание Теодориха активно вводить римские правовые элементы в законодательство своего государства стало одной из причин неудачи интеграции италиков (коренного латинского населения) в структуры остготского королевства. Будучи зеркальным отражением «византийского синтеза» (с его элементами – римским правом, греческим языком, православным христианством), государство Теодориха не могло выдержать конкуренции с подлинным наследником Древнего Рима.

Ключевые слова: римское право, византийское право, остготское королевство, законодательство Византии, св. Юстиниан, Теодорих.

Struggle for the Roman Inheritance: St. Emperor Justinian and King Theodoric

Archpriest Alexander Zadornov

PhD in Theology

Head at the Department of Applied Church Disciplines

at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

azadornov@yandex.ru

For citation: Zadornov Alexander V., archpriest. "Struggle for the Roman Inheritance: St. Emperor Justinian and King Theodoric". *Praxis*, № 1 (6), 2021, pp. 76–83 (in Russian). DOI: 10.31802/PRAXIS.2021.6.1.005

Abstract. The article shows the difference in relation to the classical Roman heritage between the Byzantine Vasileus of St. Justinian the Great and the King of the Ostrogoths Theodoric. This difference is manifested both in official rhetoric and in the legal work of these rulers. It was Theodoric's unwillingness to actively introduce Roman legal elements into the legislation of his state that became one of the reasons for the failure to integrate the Italians (indigenous Latin population) into the structures of the Ostrogothic kingdom. Being a mirror reflection of the "Byzantine synthesis" (Roman law, Greek language, Orthodoxy), the state of Theodoric could not withstand competition with the true heir to ancient Rome.

Keywords: Roman law, Byzantine law, Ostrogothic kingdom, legislation of Byzantium, St. Justinian, Theodoric

В шестой кантике дантовского «Рая» встретившийся поэту император представляется ему следующим образом:

*Cesare fui e son Iustiniano,
che, per voler del primo amor ch'i' sento,
d'entro le leggi trassi il troppo e 'l vano.*

Dante

PARADISO – Canto VI, 12

*Был кесарь я, теперь — Юстиниан;
Я, Первою Любовью вдохновлённый,
В законах всякий устранил изъян.*

Данте

Рай, Песнь VI, 12 (перевод М.С. Лозинского)

То, что даже в раю кесарь Юстиниан первым делом вспоминает свою кодификационную деятельность в области римского права, для Данте уже является нормой, тогда как для современников самого великого императора не всё столь очевидно – их более интересовала реконкиста, проведённая Велизарием и Нарсесом, тяготы налоговой политики василевса, бедствия «Юстиниановой чумы» или великий памятник всей эпохи – София Константинопольская. Такое восприятие Юстиниана – следствие выигранной им конкурентной борьбы за право быть христианским государем и римским императором одновременно.

Сын арианина и православной, в течение десяти лет своего детства Теодорих воспитывается при дворе византийского василевса (что напоминает практику Британской империи, собиравшей в метрополии детей союзных правителей для создания имперской управленческой элиты). В следующий раз Теодорих приезжает в Константинополь именно как союзник в борьбе с недружественными империи готами – становится патрицием и получает родовое имя Флавиев. Император Зенон делает его консулом и Теодорих получает триумф и статую победителя – почести, выше которых может быть только сам сан василевса. Тем самым с точки зрения Константинополя он – патриций и консул, римляне (потомки античных родов, объединённых именем *италиков*) смотрят на него как на назначенного императором магистра итальянской армии и августа-триумфатора, для остготов Теодорих – король (как глава комитов), «единственный гот с римским гражданством».

После завоевания северной части Италии, взятия Равенны и устранения главного конкурента – Одоакра, в 493 г. остготы провозгласили Теодориха своим королём. Во время коронации в Риме правитель специально посещает римский форум и произносит в сенате речь о восхищении великолепием Вечного города и с обещанием всегда неукоснительно соблюдать римские законы. Цель Теодориха как правителя – сделать всё возможное для того, чтобы «римский народ был счастлив».

Эта программа правления была официально зафиксирована на бронзовых таблицах на Капитолии. Слова о счастье становятся устойчивым риторическим оборотом в речах современников, восхваляющих Теодориха. О его царствовании говорится как о новом Золотом веке: словосочетание *Felix Roma* соотносится со временем первого императора Августа.

Фигура римского императора не просто является ролевой моделью для Теодориха¹. О своём восторге перед империей он пишет византийскому императору Анастасию: «Вы прекраснейшее украшение всех государств, Вы благотворная защита всего мира, к которой по праву обращаются другие правители с благоговением, потому что они знают, что у Вас есть нечто, чего нет у других. Прежде всего мы, которые с Божьей помощью научились в Вашей республике искусству справедливого управления римлянами. Наша королевская власть – подражание Вашей и создана по образцу – образцу единственной империи. В мере, в какой мы следуем Вам, мы превосходим другие народы»².

Теодорих умирает за год до вступления на византийский престол в качестве самостоятельного правителя святого императора Юстиниана Великого. Почему же королевство Теодориха не смогло стать достойным преемником Римской империи? Помимо очевидного ответа – отсутствие достойных наследников и полководческий гений византийских полководцев, – есть ещё одна причина, на которую намекают приведённые в начале слова Данте. Такой причиной является отсутствие самостоятельного правового творчества, упадок живой правовой культуры: Теодорих мог быть лишь пользователем, а не творцом права.

1 По справедливому замечанию современного исследователя, автор панегирика Теодориху Эннодий «старается отгородить Теодориха и от тщеславного самодовольства императоров, и от традиции предков (*frustra majores nostri...*). Наступившая эпоха предъявляет свои, новые требования, созвучные ей. Теодорих – это *modernus dominus*. Его основной титул *rex*, и он включает в себя всё остальное: *princeps* и *sacerdos*» (Шкаренков П. П. Между риторикой, историей и политикой: образ короля и королевской власти в «Панегирике Теодориху» Эннодия // Новый филологический вестник. 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdu-ritorikoy-istoriey-i-politikoy-obraz-korolya-i-korolevskoy-vlasti-v-panegirike-teodorihu-ennodiya/viewer>).

2 Цит. по: Хизер П. Возрождение Римской империи. Великие властители и реформаторы Церкви М., 2019. С. 15.

Готский король сознательно выступает исполнителем функций римского сената, в частности ежегодно раздаёт зерно римским жителям, выделяет средства на восстановление городских стен (для чего вводится специальный налог) и ремонт общественных зданий, включая императорский дворец. Но при таком явном преемстве Теодорих демонстративно не принимает новых римских законов, поскольку это является прерогативой одного только императора. Вместо этого он издаёт эдикты и указы, следующие из правовых прецедентов, сочетая в своей практике управления правовые римские и готские традиции. Именно это сочетание чёткости законодательства и жёсткости наказаний позволило ему практически искоренить чиновничью коррупцию, злоупотребление привилегиями и расхищение казны.

По словам Эннодия, основами королевства Теодориха были *ius* и *civilitas*³, обеспечивающие в своей взаимосвязи единство готских федератов и римских граждан.

Изданный в 500-м г. краткий эдикт Теодориха преследовал цель обеспечения мира и порядка в новом государстве, в котором действовал единый общий закон для всех его жителей, римлян и готов. Эти 154 закона регламентировали жизнь подданных Теодориха в области брачного и налогового права, договорных обязательств, наследственных и имущественных прав. При этом постоянный мотив эдикта – сугубая ответственность чиновников королевства перед королём и народом. Исследователи⁴ отмечают прекрасный юридический латинский язык эдикта, его стремление к краткости и чёткости в изложении как старых римских норм (ориентирующихся естественным образом на Кодекс Феодосия), так и заимствований из обычного права остготов. Например, запрет на захоронения в городских пределах Рима и фальшивомонетчество относятся к римской правовой традиции, при этом титулы с 17 по 22 прямо цитируют Кодекс Феодосия.

При этом, однако, трудно не согласиться с историками, отмечающими непродолжительность расцвета римской культуры в королевстве Теодориха⁵, сетуя на отсутствие оригинальности в произведениях той эпохи.

3 Эннодий Павийский. Житие блаженнейшего мужа Епифания, епископа Тицинской церкви; Панегирик королю Теодориху. СПб., 2013. С. 121–122.

4 *Judith Herrin*. Ravenna: Capital of Empire, Crucible of Europe. London, 2020. P. 323.

5 Срв.: «Язык, так же как и литература, был отмечен печатью отсутствия прогресса. Во многих видах литературы тех лет: назидательной, утешительной, развлекательной – царил застой, и лишь в научной литературе было подобие жизни: делались выписки из классических трудов, переводы, составлялись сборники» (*Пфайльшифтер Г.* Теодорих Великий. СПб., 2017. С. 155).

Интересно, что династические браки, заключённые готским королём для упрочения своего положения, делают Теодориха наследником готской, а не римской традиции, что позволяет историкам⁶ заявлять о невозможности окончательной ассимиляции остготского короля в римском цивилизационном пространстве. Поэтому такие именованья как «римско-варварские» или «латино-германские» королевства вполне уместны в наименовании государственных образований этого периода, поскольку позволяют отметить этот гибридный характер правовой культуры. В любом случае мы наблюдаем явное стремление правителей остготского королевства заявить претензии на римское наследство. Ограничением в таких претензиях мог служить только факт существования императора восточной части империи, ни при каких условиях не соглашавшегося видеть в реальных лидерах западной части римской ойкумены равных себе соправителей.

Административная, налоговая и судебные системы королевства Теодориха демонстрируют попытку договора между италийскими и варварскими элитами относительно общего будущего. При этом ни о каком «римском патриотизме» не может быть и речи – вспомним, что знаменитый Боэций пал жертвой интриг именно старой римской («италийской») аристократии. С другой стороны, именно такой прагматизм позволял соединять фундамент классического римского права с новыми реалиями жизни в новом латино-германском королевстве.

Уважение к римскому праву требовало уважения и, соответственно, поддержки классического образования, которое получил в своё время сам Теодорих в Новом Риме. Свидетельства о выплатах «грамматикам» из дворцовой казны говорят о намерении продолжать такую поддержку, однако реальный её объём нам остаётся неизвестным. Увы, все эти попытки усвоения *элементов* римской культуры не могли застраховать Теодориха и его преемников от конфликтов с её носителями в местной среде. Несмотря на своё пафосное завещание, обращённое к готскому населению (с призывом чтить короля-наследника Теодориха, возлюбить сенат и римский народ, а правящего из Константинополя императора почитать вторым после Бога), конфликты с той самой сенатской римской аристократией и даже епископом Рима сопровождали почти всё правление Теодориха. Даже смерть его 30 августа 526 г. случилась спустя всего три месяца со дня преставления в заточении римского епископа Иоанна I, с которым король так и не смог примириться.

6 Ср.: Цыпин В. А., *прот.* История Европы: дохристианской и христианской: в 16 т. Т. 6: Римская империя и переселение народов. М., 2013. С. 706–707.

Иные правовые основы, а главное – постоянное собственное правотворчество вкупе с разумной политикой в отношении патриархов империи позволило святому Юстиниану избежать подобных эксцессов. Но при этом понятие первенства римского епископа, как уже давно было отмечено исследователями⁷, воспринималось василевсом как риторическая особенность, не отражавшаяся в действительном правоприменении (например, при учреждении особого статуса Первой Юстинианы).

Благоговейное отношение к юриспруденции как составная часть официальной риторики – тоже характерная черта, позволяющая определить претензии Юстиниана на правовое наследие предшественников. Вряд ли Теодорих мог бы повторить слова из знаменитой конституции *Deo Auctore*, приравнивающие труды по созданию правового свода к строительству святейшего храма Юстиции. Ибо точно также для готского короля было невозможным утверждение, что «среди всех дел нельзя найти ничего столь важного, как власть законов, которая должным образом приводит в порядок божественные и человеческие дела и изгоняет всяческую несправедливость»⁸. На этом фоне такие внешние знаки следования римским образцам как упомянутые выше функции римского сената, принимаемые Теодорихом на себя, восстановление Вечного города и постройка собственных резиденций в Вероне и Равенне по образцу императорского дворца – всё это было выражением лишь семиотического восприятия античного наследия как набора определённых жестов и риторики.

Часто империю Юстиниана обвиняют в бюрократизации церковной жизни и ритуализации административного управления империей, тем не менее, не оставившей претензий на ассоциировании себя с Римом славной прошлого⁹. В действительности претензия была не на величие прошлого (ибо его хватало и в настоящем), а на рецепцию в настоящем живого юридического наследия. Эта рецепция не могла быть полной в смысле замены римским правом всякого другого нормотворчества. Только согласие норм римского, канонического и феодального права создают тот *jus commune*, который скрепляет цивилизацию высокого

7 Ср.: «Для Юстиниана Римская Церковь была лишь западным Патриархатом, а её епископ – просто одним из пяти патриархов» (*Геростергиос А. Юстиниан Великий – император и святой*. М., 2010. С. 246).

8 Дигесты Юстиниана. М., 2008. Т. 1. Кн. 1–4. С. 27.

9 *Саломатин А. Ю. Византийская империя: историко-государствоведческие очерки: монография*. М., 2020. С. 39.

средневековья. Только право смогло добиться синтеза между варварским и римским началами.

Когда мы говорим о святом Юстиниане как о кодификаторе и самостоятельном законодателе, мы должны помнить и о том, что именно это его «творчество в равном и прекрасном» пережило саму его империю и составило его славу.

Источники

Данте, Алигьери. Божественная комедия / пер. М. Лозинского; изд. подгот. И. Н. Голенищев-Кутузов. М.: Наука, 1967.

Эннодий Павийский. Житие блаженнейшего мужа Епифания, епископа Тицинской церкви; Панегирик королю Теодориху; Житие блаженного монаха Антония; Благодарение за свою жизнь / пер. с лат., вступ. статья, комментарии и указатели В. М. Тюленева. СПб.: Изд. Олега Абышко, 2013.

Дигесты Юстиниана = *Digesta Iustiniani* / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юридический фак-т; Российская акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Центр изучения римского права; отв. ред. Л. Л. Кофанов. 2-е изд., испр. М.: Стаут: PG&P, 2008. Т. 1. Кн. 1–4.

Литература

Геростергиос Астериос. Юстиниан Великий – император и святой / [пер. с англ. протоиерея Максима Козлова]. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2010.

Пфайльшифтер Георг. Теодорих Великий / [пер. с нем. Певчева В. А.]. СПб.: Евразия, 2017.

Саломатин А. Ю. Византийская империя: историко-государствоведческие очерки: монография / 2-е изд., доп. и расш. М.: РГ-Пресс, 2020.

Хизер Питер. Возрождение Римской империи. Великие властители и реформаторы Церкви / пер. с англ. Л. А. Карповой. М.: Центрполиграф, 2019.

Цыпин В. А., прот. История Европы: дохристианской и христианской: в 16 т. Т. 6: Римская империя и переселение народов. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2013.

Шкаренков П. П. Между риторикой, историей и политикой: образ короля и королевской власти в «Панегирике Теодориху» Эннодия // Новый филологический вестник. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdru-ritoriko-istoriey-i-politiko-obraz-korolya-i-korolevskoy-vlasti-v-panegirike-teodorihu-ennodiya/viewer> (дата обращения 01.11.2021).

Judith Herrin. Ravenna: Capital of Empire, Crucible of Europe. London: Penguin books, 2020.